

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ
ДАРЫИ ДЕЗОМБРЕ:

ПРИЗРАК НЕБЕСНОГО
ИЕРУСАЛИМА

ПОРТРЕТ
МЕРТВОЙ НАТУРЩИЦЫ

ТАЙНА ГОЛЛАНДСКИХ
ИЗРАЗЦОВ

ОШИБКА ТВОРЦА

ТЕНИ СТАРОЙ
КВАРТИРЫ

СЕТЬ ПТИЦЕЛОВА

ДОЧЬ ПОЭТА

ДАРЬЯ
ДЕЗОМБРЕ

ДОЧЬ
ПОЭТА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д26

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Д. Васильченко*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Дезомбре, Дарья.

Д26 Дочь поэта : роман / Дарья Дезомбре. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225694-3

Специалист по романтической поэзии начала XIX в. аспирантка Ника соглашается на подработку литсекретарем у знаменитого поэта. Поэт вводит Нику в свой домашний круг на даче у Финского залива и... внезапно умирает. Несчастный случай? Сердечный приступ? Суицид? Однако сын поэта от первого брака подозревает убийство и нанимает Нику: официально — разобрать архивы покойного. Неофициально — докопаться до истины. Но что, если каждый из членов семьи имеет и мотив для убийства, и возможность? А сама Ника вовсе не случайно появилась на старой фамильной даче?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225694-3

© Фоминых Д.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Давайте мы притворимся
кем-то другим, и тогда, возмож-
но, мы узнаем, кто мы.

Джон ле Карре

Виктору, сыну поэта.

ГЛАВА 1

АРХИВАРИУС. ОСЕНЬ

Спор Гармонии с Изобретением — восьмой опус Вивальди, в который входят знаменитые «Времена года». Каждое предваряет сонет. Сонет, как мы знаем, завершается двустихием, иначе называемым сонетным замком. Именно в финальной паре строчек порой содержится самый сильный образ, парадокс или блестящий афоризм. Запомните, прошу, эту деталь — она еще аукнется, если вы дочитаете до конца мою грустную повесть.

Итак — гармония слова и музыки. Плюс — изобретение много более поздних лет — вновь ставший модным виниловый проигрыватель. Купленный в складчину на один из прошедших юбилеев, он стоит как космический корабль и примерно так и выглядит. Прислушайтесь: скрипичный ропот, барочная пена. Рыжий священник писал свои концерты в болотистой дождливой Мантуе, ослепленный любовью к двум сестрам Жиро (к сестрам в нашем романе тоже счет особый — скоро вы и сами все поймете).

Так, где-то на пересечении иных временных величин, в совсем другой болотистой местности под эту музыку умирает человек, ставший мне самым близ-

ким. Он предсмертно хрипит, пригоршни воды падают на пол, разлетаются россыпью брызг на прощальном августовском солнце, дружно взмывают смычки у Вивальди, рвут струны, шелестит в саду листва, качаются головки подоспевших к осени астр... Ветер с Балтики овеивает курортный поселок, крутит флюгеры на островерхих крышах старых финских дач, проносится над упрятыми за высокими изгородями прямоугольниками бассейнов и беседок-барбекю, качает смолистые ветви корабельных сосен в отделившем поселок от шоссе пролеске, летит к гранитным валунам залива. Тем временем в ванной комнате бушуют скрипичные арпеджио, в последний раз парят, воссоединяясь со всем оркестром... Это финал. За ним наступает тишина.

Когда сестры Двинские в истерике выбьют хлипкую дверь, вода в ванной станет уже совсем холодной, морщинистое тело размякшим, а седые обезьяньи волосы, покрывавшие грудь, будут водорослями плыть среди ошметков умирающей пены. Мы встанем вокруг ванны, как вокруг гроба: о, наша неудавшаяся Афродита! Алекс посмотрит на Анну. Анна — на меня. Я опущу глаза: в мире растиражированной красоты уродливое завораживает нас пуще прежнего. Пройдет неделя, и мне покажется странным, что никто из нас даже не пытался вынуть старого ящера из воды, сделать искусственное дыхание, послушать пульс...

— Выйдите, Ника, — очнулась Алекс. — На это могут смотреть только родственники.

Вранье! Родственники на такое тоже смотреть не могут. Но я послушно вышла, достала из кармана

мобильник и позвонила в «Скорую», отлично зная, что помощь, сколь бы скорой та ни оказалась, нам уже не поможет.

Тем временем Алекс, морщась, опустила руку в остывшую воду. Замочив рукав футболки, подвела под мертвое тело, выдернула гуттаперчевую пробку на давно оборванной цепочке. Вода уходила, как море во время отлива, обнажая подводный пейзаж: артритные колени, вспученный живот, по-женски мягкое бедро.

— Прикрой его! — приказала Алекс.

Старшая сдернула с крючка большое полотенце и набросила сверху, полосатая мягкая ткань мгновенно намочла, труп стало не видно. Анна, всхлипнув, прижала кулак к округлившемуся рту и выбежала вон. Алекс же продолжала стоять, как замороженная, с сухими глазами, и вышла лишь тогда, когда я позвала ее из кухни.

В момент душевных потрясений, думается мне, нас спасает банальность, чередой простейших жестов. Я поставила перед Алекс чашку с чаем. Тут позвонили в дверь, я открыла людям в белых халатах.

— Он в ванной, — сказала я. — Он мертв.

* * *

В драме, говорил Антон Палыч, герой или уезжает, или умирает. Он умер, а мне пора бы уехать, однако я все сижу тут, словно привязанная, в кухонном углу — вечная Золушка при семействе Двинских. Неизвестно, кто выдал новость журналистам, но телефоны сестер завибрировали одновременно с первыми известиями в инете: статьи множились, как

вирусы, копировали одна другую почти целиком, я листала их на экране мобильного, пока сестры отвечали на звонки, повторяя «да, внезапно», «нет, с датой еще не определились», «да, конечно, сообщим». Переглядывались: из Союза? (писателей.) Нет, из Академии (Пушкинской). Надо же, папу помнят, он был бы счастлив. Начали подходить люди из поселка — академическая публика, приятели по преферансу, собачники, выгуливавшие по пляжу своих питомцев, покамест покойный совершал свой ежедневный моцион...

Водку они приносили с собой, но всех их следовало кормить, а ни у одной из нас не было сил стоять у плиты. Как результат — Алекс заказала кейтеринг у снабжавшей ее вечеринки постдефиле приятельницы, и вскоре поминальные речи уже контрастировали с легкомысленными птифурами: ломтики семги, крабовый салат, копчености с огурцом. Лучше под шампанское, но и под водку тоже окей. Так и сказала первая жена, припершаяся — положение обязывает! — одной из первых, благо жила на соседней улице. У «первой» был отменный аппетит и прекрасное настроение. Она слушала вполуха, стреляла глазами по сторонам, ласково щурилась, приметив знакомых. Звали ее Нина. Рядом сидел густобровый красавец с фигурой отяжелевшего регбиста, которого я видела впервые. Время от времени Нина тыкала регбиста пальцем в бок, отпуская комментарии о присутствующих, и когда я подошла налить себе водки, то услышала за спиной:

— Страшенькая, да? Его литсекретарь.

Я не без лихости опрокинула стопку в горло и закашлялась. Водка оказалась отвратительно теплой.

— Раньше он бы такую рядом не потерпел. Впрочем, раньше он их всех трахал. Ну, возраст-то никто не отменял... (смешок)

Я развернулась, Нина сверкнула навстречу голубоватым фарфором зубов.

— Здравствуйте, Ника... Простите, наговорила вам давеча на пляже. А теперь, видите, все уже неважно.

Я кивнула: конечно, неважно, и чуть качнулась, сделав шаг вперед. Есть по-прежнему не хотелось, но вот поболтать... На фоне прочих визитеров с тоскливыми рожами бывшая номер один казалась оазисом. Я упала в старое кресло рядом, вытянула ноги, почти столкнувшись с ногами регбиста, которые тот брезгливо поджал.

— Вы же его сын? — Я тоже умею быть светской. Регбист напрягся челюстью.

— Нет. Я сын его лучшего друга.

Я ухмыльнулась, откинула голову на потертую кожаную спинку. А у нас, похоже, немало общего.

— Вам кажется это забавным? — Он вновь выпрямил ноги, будто метил свою территорию. Ноги у регбиста много длиннее моих: если играть в эту игру, то он — рраз! — и сразу выиграл. Я подняла голову, посмотрела ему в глаза.

— Простите. Это нервное. — Я протянула руку, будто в порыве дружественной откровенности. — Меня зовут Ника. Ника Бардт.

— Какая интересная фамилия. — Глаза Нины проследили за рукопожатием и вернулись к моему лицу. Цепко прошлись по нему снизу-вверх. С ней следует быть осторожней: она умнее, чем кажется. — Расскажите-ка, Ника, чуть-чуть о себе...

ГЛАВА 2

ЛИТСЕКРЕТАРЬ. ЛЕТО

Большие глаза под слишком широкими бровями. И слишком густые волосы. На этом все приличное в моей внешности заканчивается. Папа как-то решил оригинальничать, сказав, что я похожа на португалку. Это комплимент с подвохом — я похожа на всех южных женщин разом, но не из тех, о ком сочиняли сонеты провансальские трубадуры, а из тех, что стоят на рынке и торгуют рыбой и специями, переругиваясь, отгоняя от прилавка наглых чаек: *Vão!* Короче — соль южной земли. Одеваюсь я, не пытаюсь вывести на первый план ударные достоинства (декольте, распущенные кудри) или улучшить данное природой с помощью каблучков и косметики. Меня не заметить в толпе. Но мне плевать. Мое одиночество — моя крепость.

До недавнего времени я обитала в двухкомнатной квартире рядом с метро «Московская» со своим отцом: тоже научным грызуном, но в области теоретической физики. Еще у меня есть мать-на-другом-краю-света, живущая во втором браке с модным пластическим хирургом. Ее образ — энергичной женщины, которая знает, чего хочет, все еще витает в нашей изношенной квартирке, хотя бы потому, что с момента ее отъезда там так и не был сделан ремонт. Почему-то каждый раз, когда я вспоминаю о родительских отношениях, перед моими глазами встает кривоватая надпись на одном из наших дворовых гаражей: «Лена, я тебя люблю». Этому признанию столько же лет, сколько и мне. Мать мою зовут вовсе не Лена, но

отец мой вполне способен был бы сотворить подобное граффити: любовь его и правда оказалась прочнее времени. Мама. Я уже не скучаю по ней, но давно заразилась от отца тихой меланхолией. А он от меня, похоже, мизантропией. Не удивительно, что температура в нашей сталинке не повышается выше едва теплой. В доме редко звучит громкий смех, зато часто падают предметы — мы оба неуклюжи. Реальный мир мстит нам за отсутствие к нему интереса. На пару мы бьем в год до десятка единиц посуды, портим столешницы, затирая одно пятно, ставим новое, но мало переживаем по этому поводу. У нас никогда не пахнет вкусной едой. Кухарничает, так уж повелось с детства, отец, и я ни разу не попыталась перехватить у него эстафету. Готовит он примитивные, неизменные из года в год вариации — макароны, сардельки, яичница. Вся эта тусклая снедь не имеет ни вида, ни вкуса и часто пригорает. Но мне по большому счету все равно, что класть в рот. С моей фигурой можно изнурять себя салатом годами — привлекательности мои муки не прибавят, скорее обеспечат невроз вкупе с неутешительным выводом, что стройная газель не то же самое, что худая корова.

Иное дело — отец. И в свои шестьдесят с гаком он, на мой подпорченный предвзятостью взгляд, красавец. Он бледен, сероглаз, светлые волосы поредели, но не обнажили набитой формулами головы. В первое время после ухода матери я очень боялась появления в доме чужой тетки, но постепенно стало ясно, что фантом бывшей жены ему дороже любой всамделишной женщины... и как бы меня данное обстоятельство ни раздражало, оно меня устраивает. Поскольку позволяет продолжать мирно сосу-

ществовать, собираясь утром и вечером за одним столом и расходясь по своим комнатам сразу после. Мы любим друг друга, мы ценим друг друга, мы обмениваемся минимумом слов. Глубоководные создания, мы делим одну раковину, и на поверхность нас выталкивают лишь редкие звонки матери.

* * *

В дни, когда отец надеется услышать заветную трель «Скайпа», он преобразается — свежий воротничок посверкивает из горловины растянутого свитера, седеющие волосы отброшены расческой назад, взгляд горит. За ужином я гляжу на него с иронией, на которую он привычно пожимает плечами и, собирая тарелки в раковину, неловко гладит меня по голове. Прости, говорит этот жест, никак не могу иначе. Я прикрываю его сухую руку своей ладонью: черт с тобой. Наряжайся. Ради тебя я переживу эти полчаса холодного бешенства, которые вызывает у меня мать на экране ноутбука. Горячий свет солнца за ее спиной: на Западном побережье неизменное оптимистичное утро, а значит, у нас, в Северной Пальмире, — столь же неизменный мрачноватый вечер. Фон для матери: сочные цвета дизайнерской мебели, яркая спортивная одежда. Она только что с пробежки по берегу океана и вся сияет — влажной загорелой кожей, влажной же белозубой улыбкой. Где-то на заднем плане снуют золотистый ретривер и новый муж — он тоже мускулист и золотист. Подозреваю, оттуда наша сторона экрана выглядит, как темная дыра. Мое бледное лицо с подсвеченным голубым мощным носом. Пыльная библиотека на

заднем плане — сочинения классиков. Мы и сами — как они, покрыты пылью и не нужны, папа, о нас вспоминают, как и о тех, разве что по памятным датам. Напрасны ваши совершенства, ты казался себе таким нарядным и вот, довольно калифорнийского луча, нацеленного прожектором с той стороны ноутбука, чтобы обнаружить все наше унылое ничтожество.

Конечно, я могу заметить отцу, что и с обратной стороны земного шара все не так гладко. Зубы его Дульсинеи явно отбелены, а губы стали пухлее от филлера, который вкалывает ей бодрый супруг номер ту. Но кому далась моя правда? Для отца мать навсегда — жар-птица, и никакая грубая реальность ничего не сможет поделаться с торжеством этой безоглядной любви. Ведь пока она похожа на себя молодую, ту, какой была в его объятиях, она все еще чуть-чуть принадлежит ему. И меня в такие минуты парализует от нежности и жалости: хочется обнять его и ударить одновременно, чтобы не улыбался робкой улыбкой, расписываясь в вечной своей зависимости. Но я держу себя в руках и натужно отвечаю на бессменные и бессмысленные вопросы: как продвигается кандидатская? а студенты — не утомляют? Далее, оптимистичное — мне кажется, или ты похудела? И наконец — вишенкой на торте: как твоя личная жизнь?

Итак, по порядку, мама. Кандидатская моя дрейфует на границе взятых обязательств и полного отсутствия интереса. Студенты — грызут гранит филологической науки также без аппетита (и мне ли их судить?). И нет, я снова не похудела. Не стоит отправлять мне очередную посылку с американским